

УДК 504

UDC 504

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

THE TRENDS IN ENVIRONMENTAL POLICY IN THE MODERN WORLD

Морозова Елена Васильевна
д.ф.н., профессор, заведующая кафедрой

Morozova Elena Vasilyevna
Dr.Sci.Phil., head of the chair, professor

Терешина Мария Валентиновна
д.э.н., профессор

Tereshina Maria Valentinovna
Dr.Sci.Econ., professor

Ермолов Николай Георгиевич
аспирант
*Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия*

Ermolov Nikolai Georgievich
postgraduate student
Kuban State University, Krasnodar, Russia

В статье выявлены и охарактеризованы основные тенденции развития современной экологической политики – глобализация, глокализация, демократизация, интериоризация экологических ценностей в результате развития экологического сознания, развитие концепта и практик «зеленой» экономики, сетевизация экологической политики. Авторы анализируют расширение круга акторов экологической политики и появление механизмов влияния общественности на принятие экологически значимых решений

The article reveals and describes the main trends in the modern environmental policy – globalization, glocalization, democratization, internalization of environmental values, the development of the concept and practices of "green" economy, networks development. The authors analyze the expansion of the circle of environmental policy actors and the emergence of mechanisms that public can use to influence environmental decision-making

Ключевые слова: ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА, УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ, «ЗЕЛЁНАЯ ЭКОНОМИКА», ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЕТИ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Keywords: ENVIRONMENTAL POLICY, SUSTAINABLE DEVELOPMENT, GREEN ECONOMY, ENVIRONMENTAL VALUES, POLICY NETWORKS, GLOBALIZATION

Масштаб экологических проблем, имеющих в современном мире не только региональный, но и межгосударственный, и глобальный характер, детерминирует эволюцию подходов к формированию государственной экологической политики, а также значительную степень влияния на этот процесс согласуемых на международном уровне принципов, включая те из них, которые были впервые продекларированы на Всемирной конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г. и подтверждены на последующих международных встречах на высшем уровне. Требования устойчивого развития, составляющие основу «новой экологической эры», являются неотъемлемой составляющей природно-ресурсного законодательства и целей экологической политики большинства стран. Несомненно, в каждой из стран эти механизмы имеют

специфические черты, которые обусловлены не только масштабом и особенностями решаемых экологических проблем, но и спецификой национальной модели государственного управления, политическими, историческими, экономическими и другими факторами.

Представляется возможным и необходимым выделить ряд общих значимых тенденций, которые определяют вектор развития экологической политики в современном мире в настоящее время. Следует отметить, что некоторые тенденции выражены достаточно явно, архитектура других противоречива, однако все они представляют значительный интерес, особенно для стран, включая Россию, которые сравнительно недавно начали формировать собственную экологическую политику.

Одной из наиболее явных тенденций является *глобализация* современной экологической политики. Современный мир в целом развивается по пути все большей интеграции, результатом которой являются как позитивные, так и негативные последствия. Большинство исследователей концентрируются исключительно на негативных аспектах глобализации для экологической сферы, обострению борьбы за ограниченные экологические ресурсы, интенсификацией и глобализацией негативного воздействия на окружающую среду. Считается, что глобальные процессы либерализации инвестиционной и торговой деятельности приводят к тому, что наиболее «грязные» в экологическом плане производства перемещаются из развитых стран в развивающиеся, обостряя тем самым национальные экологические проблемы и способствуя развитию глобального экологического кризиса.

Известным глобальным аспектом экологической проблематики является также трансграничное перемещение отходов, поскольку экспорт отходов из развитых стран в развивающиеся является сегодня самым выгодным способом их утилизации [1]. Например, в Китай для переработки ввозится значительное количество мусора из Европы, однако

несовершенство существующих в этой стране технологий его переработки, а также коррупция и физическая невозможность контроля всего импортируемого мусора оборачиваются тяжелыми экологическими и социальными последствиями [2]. Актуальна эта проблема и для Индии, где легально и нелегально импортируемый мусор также не перерабатывается надлежащим образом [3]. Не стоит забывать о том, что в подобных случаях даже при ужесточении государственной экологической политики остро встанет проблема накопленного экологического ущерба.

В условиях глобализации страны, игнорирующие экологические издержки при ценообразовании, получают сравнительные преимущества в экологически опасных видах деятельности, что часто ведет к соответствующей специализации и значительной деградации окружающей среды. Некоторые государства, как видно из приведенных выше примеров, для привлечения иностранного капитала, могут даже снижать экологические стандарты. Глобальные процессы международной торговли могут стимулировать развитие сырьевого сектора экономики, основанное на сверхэксплуатации сырьевых месторождений для экспорта. В этом случае также появляются конкурентные преимущества, связанные с пренебрежением экологическими издержками.

Эти явления породили понятие экологического демпинга (*environmental dumping*), под которым понимается перевод бизнеса из одной страны в другую, где действующие природоохранные требования менее строги. Нельзя отрицать, что процесс глобализации создает новые экологические угрозы. В странах, где отсутствуют реальные политические возможности для выражения социально-экологических требований населения, а правящие элиты связаны корпоративными и патронатными отношениями с бизнес-структурами, экологическая политика становится «заложницей» интересов тех, кто выступает за наращивание темпов экономической прибыли, причем любыми средствами и любой ценой.

С другой стороны, представляется, что роль иностранного капитала в обострении национальных экологических проблем и лоббировании экологически безответственной национальной политики зачастую преувеличивается. Более того, на достаточном количестве примеров можно проследить противоположное направление воздействия тенденции глобализации на современную экологическую политику. Например, интеграция развивающихся стран в мировое хозяйство способствует решению многих экологических проблем посредством привлечения частного иностранного капитала, передачи чистой технологии, повышения экологической ответственности национального бизнеса и развития международного экологического сотрудничества.

Международные организации помогают развивающимся странам перейти к более устойчивым моделям развития, предоставляя финансовую и технологическую помощь и их влияние на экополитическую обстановку все более возрастает. Так, деятельность продовольственной и сельскохозяйственной организация ООН (ФАО) направлена на содействие использованию биоэнергетических культур в Юго-Восточной Азии для обеспечения растущей потребности региона в продуктах питания и топливе путем передачи новых технологий. Ближайшие 10 лет до 2024 г. пройдут под девизом «Устойчивая энергетика для всех» в поддержку инициативы Генерального секретаря ООН с тем же названием.

Эмпирические исследования, проведенные И.В. Саблиным [4] на примере стран Юго-Восточной Азии, показывают, что далеко не весь транснациональный бизнес использует развивающиеся страны в качестве «прибежища». За последние двадцать лет, в частности, в Индии и Китае были запущены производства, основанные на иностранном капитале, с самыми передовыми и экологически чистыми технологиями. Поскольку компании, выходящие на международный рынок, все более осознают необходимость улучшения своего имиджа, то экологический менеджмент

становится актуальным и на старых предприятиях [5]. Растут объемы иностранных инвестиций в природоохранные проекты.

В любом случае глобальные воздействия формируют принципиально новые условия для реализации национальных интересов, для проведения экологической политики всеми государствами, тем более, что экологическая сфера является той политической областью, в которой сталкиваются интересы множества субъектов мировых отношений.

Глобализация и защита окружающей среды в наше время тесно связаны между собой явлениями мирового развития. Тем не менее, мир еще не настолько интегрирован, чтобы можно было недооценивать особенности отдельных государств, их национальные интересы. Указанное разнообразие, специфика отдельных стран и регионов в определении их экологических позиций проявляются в тенденции *глокализации* современной экологической политики – локального (регионального) отклика на процессы глобализации [6].

Суть глокализации современной экополитики, пожалуй, лучше всего выражена в девизе Римского клуба «Мыслить глобально, действовать локально», впервые появившегося в шестидесятые годы прошлого века. Сам термин «глокализация», предложенный английским социологом Р. Робертсоном [7], означает взаимодополнение и взаимопроникновение глобальных и локальных тенденций. Таким образом, экополитическая глокализация сочетает в себе процессы модернизации локальных экополитик с мультинациональными достижениями в этой области, стратегию объединения глобальных и локальных экополитических интересов и ориентаций. Действующими лицами этого процесса выступают не только государства, но и многие социальные и культурные институты, региональные и местные сообщества, влияние которых на формирование, корректировку и реализацию экологической политики постепенно усиливается. Достаточно хорошо этот процесс можно

проследить на примере глобальной экополитической проблемы – сохранения Мирового океана.

Океаническое соуправление базируется на общей цели, которая достигается при этом разными методами и силами. В него вовлечены правительства, региональные и локальные сообщества, промышленность, бизнес, неправительственные организации и другие заинтересованные стороны многих стран. Достижение цели сохранения мирового океана осуществляется посредством национальных и международных законов, политики, административных структур, а также неформальных объединений граждан, действующих с учетом традиций, обычаев, культур и на основе учрежденных ими институтов.

В ряде стран (например, в США) получил развитие так называемый федералистский подход к управлению деятельностью в прибрежных зонах. В соответствии с ним управление осуществляется на более низком уровне иерархии, способном обеспечить осуществление конкретных действий и достижение цели. Верхний уровень, в свою очередь, создает базовые правила, в соответствии с которыми функционирует организация, определяет цели, принципы и способы оценки результата. В данном случае федералистский подход используется для повышения эффективности обеспечения интересов страны в использовании морской среды, учитывая интересы региональных и локальных уровней.

Развитие получает и процесс расширения числа новых субъектов принятия решений по этим международным проблемам. На национальном уровне к традиционным акторам, связанным с секторальной деятельностью в Мировом океане, прибавляются общественные неправительственные организации, научно-исследовательские центры и местные общины и ассоциации коренных народов.

Интересен опыт развития сотрудничества в северном полярном регионе под эгидой Арктического совета. Этот межправительственный

форум был создан в 1996 г. восемью странами примыкающего к Северному Ледовитому океану региона для решения общих проблем устойчивого развития и защиты окружающей среды, а также диалога с международным сообществом.

Членами Совета являются правительства, представители региональных властных структур и неправительственных объединений, научные эксперты, а также организации коренных народов. Накопленные знания традиционных сообществ стран Севера о том, как реагировать на экосистемные изменения, позволяют сформировать эффективные социальные механизмы экологической политики в этой сфере.

Общие политические документы, регламентирующие деятельность государств в Мировом океане в целом, продолжают разрабатываться в рамках ООН. Однако существенную роль в этом процессе играют неофициальные консультации и официальные форумы, на которых вносятся на обсуждение вопросы национального управления этой деятельностью, новые идеи и стратегии, вызовы и перспективы, национальные практики использования океанической части биосферы.

Ещё одной достаточно явно выраженной тенденцией является *демократизация* современной экологической политики, расширение каналов влияния гражданского общества на принятие экополитических решений. С общим развитием демократических процессов население получает не только право на информацию относительно состояния окружающей среды, но и право на участие в формировании экологической политики. Подобные права появились в результате социальной критики и общественной практики, носителями которых первоначально являлись женские, экологические и другие новые общественные движения.

В природоохранной сфере, по сравнению с другими, гражданское участие имеет наиболее значимую роль. Сам факт внедрения экологической составляющей в современный политический процесс и

начало проведения государствами США и Европы систематической экологической политики является результатом крупномасштабного алармистского движения в 1950-60 гг. XX в. и формирования социально-политической субъектности локальных сообществ. В 80-е гг. XX в. экологические организации стали представлять собой не только реальную политическую силу, способную заставить прислушаться к своему мнению, но и во многих случаях канал постоянной коммуникации населения и властей в целях совместного принятия решений.

С течением времени и повышением роли экологического образования, просвещения и воспитания стали происходить достаточно значимые для демократизации экологической политики процессы. Прежде всего, это усиление индивидуального и коллективного экологического сознания, интериоризация экологических ценностей большинством населения.

Интересны исследования В.И. Медведева [8], который рассматривает индивидуальное экологическое сознание в качестве результата индивидуального конкретного опыта взаимодействия с природой, либо знания, полученного в процессе обучения и навязываемых социумом моделей экологического поведения. Автор считает, что чем выше структура общественной формации, тем большее значение приобретает абстрактные элементы экологического сознания, хотя реальные действия при этом могут быть направлены на конкретные ситуации. Несомненно, формирование экологической культуры и активного экологического сознания более успешно происходит в экономически благополучном обществе. Высокий уровень жизни населения является важной предпосылкой для повышения рейтинга экологических прав и интересов в общественном сознании. Представляется, что коллективное экологическое сознание на макроуровне (отдельного государства) во многом зависит от информационной среды, воздействующей на население в течение

достаточно длительного времени и способного в этом случае трансформироваться в новую экосоциальную идентичность.

В литературе понятие идентичности трактуется как отождествление себя индивидом с определенной социальной группой, осознание своей принадлежности к ней. Представления человека о своем месте в окружающей среде, о взаимодействии с природой формируют модели как индивидуального, так и группового поведения. Эти представления фиксируют позитивные или негативные ориентации к существующим формальным природоохранным институтам и в дальнейшем влияет на актуализацию экологических практик, формальных и неформальных, связанных с реализацией экологической политики.

Интересен опыт Норвегии, где 10 муниципалитетов декларируют себя как эко-общины, объединившись в специальную организацию – Норвежский Форум Эко-общин [9]. Каждая община обязана твердо придерживаться главных направлений программы «местного устойчивого развития». Программа ориентирована на закладывание экологической основы в муниципальное планирование. Она базируется на инициативе снизу, что содействует как политическому согласию в обществе, так и положительному процессу развития. Программа эко-общин включает также ориентацию на остальную Европу и даже страны третьего Мира путем организации подобных общин.

При доминировании экосоциальных и экокультурных стандартов, закрепленных в нормативно-правовых документах, а также в общественно признанных, отвечающих сложившимся в обществе этическим нормам, происходит все большее вовлечение в экополитическое пространство различных групп интересов, экологическая политика становится публичной. Активными участниками взаимодействий в экологической сфере становятся местные сообщества и ассоциации граждан, потребители,

инвесторы, акционеры и поставщики, персонал и менеджмент предприятий.

Диверсификацию каналов доступа групп интересов к принятию экологически значимых решений стимулирует дефицит ресурсов, которые призваны обеспечить управляемость структурами экополитической сферы. Взаимоотношения с органами экологического управления различного уровня являются особым направлением публичной экологической политики. Государство, со своей стороны, разрабатывает свои приоритеты и механизмы взаимодействия с бизнесом, НКО и населением, которые могут представлять собой самые разные модели. При этом нужно отметить, что далеко не всегда институционализация диалога является залогом его эффективности. Обязательным условием успешной реализации бизнесом социально-экологической ответственности является переход от командного государства с жестким административным контролем к государству, интегрирующему в свою деятельность переговорные механизмы [10].

Следующей достаточно явной выраженной тенденцией современной экологической политики является постепенное *развитие концепта и практик, так называемой «зеленой экономики»*. Из определения, данного в докладе ЮНЕП, следует, что «зеленая» экономика – это экономика, повышающая благосостояние людей и обеспечивающая социальную справедливость [11].

Экономическая и социальная комиссия Организации Объединенных Наций для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) определяет «зеленый» рост как политический фокус, который опирается на экологически устойчивый экономический прогресс в целях стимулирования низкоуглеродного и открытого для всех социальных слоев развития.

Процесс бурного развития «зеленых» технологий в мире начался в 1980–1990-е годы, идя параллельно с активным продвижением идеи

экологической модернизации. Идеи экономического роста с учетом экологического быстро прижились не только в бизнес-среде развитых стран, но и на правительственном уровне, поскольку снимали традиционное противоречие между экологическими и экономическими интересами. В концепции устойчивого развития эти подходы были несколько трансформированы, а в 2009 г. Всемирный Экономический Форум взял новый глобальный курс на зеленую экономику как единственно приемлемый путь развития. М.В. Терешина [12] отмечает, что «зелёная экономика» в настоящее время является одним из факторов принятия политических решений как на уровне отдельных государств и правительств, так и в мире в целом».

В докладе ОБСЕ «Environmental Outlook to 2050» [13] подчеркивается, что решениями для глобальной экономики были бы политика и технологии, способные преодолеть эти главные препятствия. Эти решения призваны стимулировать инвестиции на наиболее динамично развивающихся рынках планеты: от Китая до Бразилии, от Индонезии до стран Персидского залива и Японии, занятой решением проблем, связанных с эпохальным энергетическим вызовом после аварии на «Фукусиме»: энергетическая эффективность, направленная на сокращение потребления; источники возобновляемой энергии для удовлетворения стремительно растущего спроса на энергоносители, избегая зависимости от времени и условий, диктуемых крупными компаниями по производству и транспортировке электроэнергии, повышая потенциал солнечной, ветряной и геотермической энергии и в то же самое время обеспечивая рост биоэнергии; комплексы по эффективному и интегрированному управлению водными ресурсами для обеспечения сбалансированного предложения питьевой воды с одновременным использованием очищенной и переработанной воды для нужд сельского хозяйства и промышленности; сельскохозяйственные предприятия, способные минимизировать

истощение плодородного слоя земли и использование химических удобрений и параллельно повысить производительность; транспортные комплексы и системы управления информацией, способные обеспечить мобильность с низким уровнем выбросов и организацию работы, позволяющую исключить избыточную мобильность.

Значимую роль в этом процессе развития экологической политики играют развитие информационно-коммуникативных технологий и переход к постиндустриальному обществу. Сетевое общество влияет на качество и структуру коммуникаций, которые расширяются и изменяются, формируют различные формы политической субъектности и разнообразные гибридные формы политических институтов и структуры сетевого публичного управления. По мнению И.В. Мирошниченко [14], «данные тренды влияют на формирование новой модели организации социально-политического пространства, в котором доминируют горизонтальные сетевые коммуникации и появляется множество разнообразных акторов, участвующих в преобразовании публичной политики». Сети являются одновременно и формой организации, и ресурсом, публичной площадкой для диалога между различными группами интересов, между сетевыми и локальными структурами, средством формирования и поддержания экологической идентичности.

Указанные процессы дают основание выделить тенденцию *сетевизации* современной экологической политики, под которой понимается возрастание роли и значения сетевых структур, обладающих высоким потенциалом самоорганизации и мобилизации и появление разнообразных механизмов влияния сетевой активности на формирование и воспроизводство экологической политики.

Нужно отметить, что эффекты сетевизации экологической политики в разных странах зависят от социально-экономического потенциала и структуры политических возможностей общества. Сетевизация

способствует «инверсии пространства», когда территориальная отдаленность различных акторов «снимается» их коммуникацией в Интернет-пространстве, созданию экологических сообществ и их частичной институционализации, независимых от существующего социального порядка. Зачастую, в подобных виртуальных сообществах вырабатываются альтернативные принципы экологической политики, оказывающие влияние на процесс модернизации общества в целом. Кроме того, сетевизация ускоряет, упрощает коммуникацию, расширяет состав участников экологических сообществ, дает им возможность действовать более согласованно и облегчает организацию традиционных коллективных действий. Наконец, информационно-коммуникационные технологии широко используются при реализации глобальных экологических проектов [15, 16].

Информационно-коммуникационные технологии активно используются международными экологическими организациями, такими как Green Peace, WWF, что обеспечивает, в том числе, и взаимодействие между филиалами своей организации, находящимися на территориях разных государств. Так, акция Green Peace граждан разных стран против деятельности Всемирной торговой организации, Международного валютного фонда и Всемирного банка стала возможной только благодаря информационно-коммуникационным технологиям.

Развитая виртуальная составляющая международных экологических организаций позволила создать такой формат участия, как киберактивизм [17]. Активисты получают новостные рассылки, при необходимости подписывают электронные обращения главам государств или коммерческих компаний, распространяют информацию, делают пожертвования и т.п. Последствия этой виртуальной деятельности в реальной жизни становятся все более значительными. Без этого киберактивизм не имел бы смысла [18]. Получил также распространение и

новый вид волонтерской деятельности – цифровое волонтерство [19], особенно востребованное в чрезвычайных ситуациях, в том числе связанных с экологическими катастрофами.

Представляется, что в настоящее время анализ социальных сетей является важным элементом анализа экологической политики [20]. Сетевая методология позволяет гораздо глубже понять основы формирования акторов экологической политики и оценить их способность её трансформировать. Сети могут быть представлены через тип и форму взаимоотношений различных социальных и политических акторов. Чрезвычайно важно, что виртуальные экологические сообщества не являются закрытыми сетевыми системами. Структура их обычно представлена «плотным» коммуникационным ядром и «размытой» периферией, переходящей в среду.

Целевые сети, такие как Bird Life International, Сеть спасения тайги или Green Vaku, больше привязаны к определенной проблеме или ареалу. Несмотря на дисперсность, они также имеют организационное ядро, завязанное на некий ресурсный центр, и в некоторых случаях весьма обширную периферию спорадически взаимодействующих акторов.

Тенденции в развитии современной экологической политики представляют собой достаточно сложный объект для изучения в силу, прежде всего, своего разнообразия, которое определяется разнообразием структуры политических возможностей, социально-экономического потенциала, степени зрелости общественных экологических интересов и наличия каналов их реализации и т.д.

Тем не менее, в настоящее время можно вполне выделить объективные тренды, в той или иной степени оказывающие влияние на экологическую политику любой страны. Авторское видение происходящих процессов позволяет дифференцировать те из них, которые получают логику своего развития вне зависимости от существующих сценариев

развития того или иного государства, экологическая политика которых в любом случае вынуждена принимать определенную форму, адаптируясь к ним. К числу этих тенденций можно отнести глобализацию, глокализацию, демократизацию экологической политики, интериоризацию экологических ценностей среди населения в результате развития экологического сознания, постепенно развитие концепта и практик «зеленой» экономики, сетевизацию экологической политики.

Эффекты, которые продуцируются вышеуказанными тенденциями, операционализируются и содержательно трансформируются в зависимости от локальной политической реальности. В связи с этим представляется необходимым оценить соотношение универсальных трендов, характерных для изменяющейся онтологии экологической политики и уникальных, связанных с социокультурной матрицей развития национальной модели в трансформации экологической политики современной России.

Список литературы

1. Нодь И., Асанте-Дуа Д.К., Рыжов В. Проблематика международных экологических конфликтов // Общество и экономика. 2001. № 1. С. 168–177.
2. Chinese regulations on incoming waste. Agents chap NL [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.agentschapnl.nl/programmas-regelingen/chinese-regulations-incoming-waste.htm>.
3. Tailor N.D. Environmental change in India. Jaipur: Oxford Book Company. 2007.
4. Саблин И.В. Международные аспекты экологической политики Индии и Китая // Век глобализации. 2011. № 2. С. 126–139.
5. Рогожина Н.Г. Новые тенденции в экологической политике развивающихся стран // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 4. С. 81–89.
6. Кожевников Н.Н., Пашкевич Н.Л. Глокализация: концепции, характерные черты, практические аспекты // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2005. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/glokalizatsiya-kontseptsii-haraktern>.htm.
7. Robertson R., Knodker H. Discourses of Globalization: Preliminary Considerations // International Sociology. 1999. P. 25–40.
8. Медведев В.И., Алдашева А.А. Экологическое сознание: Учеб. пособие. М., 2001. С. 120–125.
9. Гилман Р. Эко-деревни и устойчивые поселения. СПб.: Центр гражданских инициатив, 1991. 266 с.

10. Sheer D., Rubik F. *Governance of Integrated Product Policy*, Seffield: Green-Leaf Publishing. P. 44–68.
11. На пути к «зеленой» мировой экономике. Ежегодный доклад ЮНЕП. 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unep.com.ru/unep/gei/216-toward-ge.htm>.
12. Терешина М.В., Онищенко М.В. Развитие «зеленой экономики»: политико-компаративный аспект // *Субъектность в политике: трансформации современной публичности, идентичность и политическое действие: Сборник научных работ*; Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2013. С. 212–213.
13. OECD Environmental Outlook to 2050 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oecd.org/environment/oecdenvironmentaloutlookto2050theconsequencesofinaction.htm>
14. Мирошниченко И.В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. 295 с.
15. Introduction: social movements and ICTs // *Cyberprotest: New Media, Citizens and Social Movements* / Van de Donk W., Loader B., Nixon P., Rucht D. N.Y.: Routledge, 2004. P. 1–25.
16. Usachev O. Social Movements and the Information and Communication Technologies in Western Europe and Russia // *Modernization in Russia: Challenges to Research and Education* / ed. by Oleg Yanitsky. Moscow. 2008. P. 22–30.
17. Стань он-лайн активистом. Гринпис России [Электронный доступ]. Режим доступа: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/action/cyber-activist/htm>.
18. Говард Р. Умная толпа: новая социальная революция // пер. с англ. А. Гарькавого. М.: Фаир-Пресс, 2006. 416 с.
19. Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: новые возможности для граждан и власти // *Полис*. 2011. № 1. С. 140–152.
20. Яницкий О.Н. Экологическая политика как сетевой процесс // *Политические исследования*. 2002. № 2. С. 44–57.

References

1. Nod' I., Asante-Dua D.K., Rijov V. Problematika mezhhdunarodnih ekologicheskikh konfliktov // *Obshestvo I ekonomika*. 2001. № 1. S. 168–177.
2. Chinese regulations on incoming waste. Agents chap NL [Elektronnii resurs]. Rezim dostupa: <http://www.agentschapnl.nl/programmas-regelingen/chinese-regulations-incoming-waste.htm>.
3. Tailor N.D. *Environmental change in India*. Jaipur: Oxford Book Company. 2007.
4. Sablin I.V. Mezhhdunarodnie aspekti ekologicheskoi politiki Indii I Kitaya // *Vek globalizacii*. 2011. № 2. S. 126–139.
5. Rogozhina N.G. Novie tendencii v ekologicheskoi politike razvivaushihya stran // *Mirovaya ekonomika I mezhhdunarodnie otnosheniya*. 2009. № 4. S. 81–89.
6. Kozhevnikov N.N., Pashkevich N.L. Glokalizaciya: koncepcii, harakternie cherti, prakticheskie aspekti // *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova*. 2005. № 3. [Elektronnii resurs]. Rezim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/glokalizatsiya-kontseptsii-haraktern.htm>.
7. Robertson R., Knodker H. Discourses of Globalization: Preliminary Considerations // *International Cociology*. 1999. P. 25–40.
8. Medvedev V.I., Aldasheva A.A. *Ekologicheskoe soznanie: Ucheb. posobie*. M., 2001. S. 120–125.

9. Gilman R. Eko-derevni I ustoichivie poseleniya. SPb.: Centr grazhdanskih iniciativ, 1991. 266 s.
10. Sheer D., Rubik F. Governance of Integrated Product Policy, Seffield: Green-Leaf Publishing. P. 44–68.
11. Na puti k «zelenoi» mirivoi ekonomike. Ezhegodnii doklad UNEP. 2009. [Elektronnii resurs]. Rezim dostupa: <http://www.unepcom.ru/unep/gei/216-toward-ge.htm>.
12. Tereshina M.V., Onishenko M.V. Razvitie «zelenoi ekonomiki»: politiko-komparativnii aspekt // Sub'ektnost' v politike: transformacii sovremennoi publichnosti, identichnost' i politicheskoe deistvie: Sbornik nauchnih rabot; Kuban. gos. un-t. Krasnodar, 2013. S. 212–213.
13. OECD Environmental Outlook to 2050 [Elektronnii resurs]. Rezim dostupa: <http://www.oecd.org/environment/oecdenvironmentaloutlookto2050theconsequencesofinaction.htm>
14. Miroshnichenko I.V. Setevoi landshaft rossiiskoi publichnoi politiki. Krasnodar: Prosveshenie-Ug, 2013. 295 s.
15. Introduction: social movements and ICTs // Cyberprotest: New Media, Citizens and Social Movements / Van de Donk W., Loader B., Nixon P., Rucht D. N.Y.: Routledge, 2004. P. 1 – 25.
16. Usachev O. Social Movements and the Information and Communication Technologies in Western Europe and Russia // Modernization in Russia: Challenges to Research and Education / ed. by Oleg Yanitsky. Moscow. 2008. P. 22–30.
17. Stan' on-lain aktivistom. Grinpis Rossii [Elektronnii resurs]. Rezim dostupa: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/action/cyber-activist/htm>.
18. Govard R. Umnaya tolpa: novaya social'naya revoluciya // per. s angl. A. Gar'kavogo. M.: Fair-Press, 2006. 416 s.
19. Morozova E.V., Miroshnichenko I.V. Setevie soobshestva v usloviyah chezvichainih situacii: novie vozmozhnosti dlya grazhdan I vlasti // Polis. 2011. № 1. S. 140–152.
20. Yanickii O.N. Ekologicheskaya politika kak setevoi process // Politicheskie issledovaniya. 2002. № 2. S. 44–57.